

Проблема жанрово-родовых номинаций произведений ненецких писателей Тюменской области в региональной критике

Тюменская область, полиэтническая по своему составу, предстает регионом богатым в литературном отношении. В нем развивается несколько национальных литератур. Хантыйская представлена именами писателей Еремея Айпина, Романа Ругина, ненецкая – творчеством Ивана Истомина, Леонида Лапцуя, Анны Неркаги, Юрия Вэллы (Айваседы), мансийская – произведениями Ювана Шесталова и других авторов.

Творчество писателей – представителей малочисленных народов Севера имеет давний интерес у общероссийской критики. Немалую роль в становлении национальных художников слова Тюменского региона, в открытии их произведений всесоюзному читателю сыграла местная областная критика.

Жанрово-стилевые искания северных авторов всегда были предметом внимания в статьях, рецензиях О. Крицкой, Л. Полонского, К. Лагунова, В. Рогачева, А. Омельчука, Ю. Надточего, Ю. Афанасьева, В. Захарченко, О. Лагуновой и др. И это закономерно. В теории литературной критики признается, что эстетическая оценка произведения «не может миновать жанровый контекст» [1, с. 187].

Применительно к произведениям ненецких писателей региональные критики выделяли свойственное их произведениям, как стихотворным, так и прозаическим, родовое свойство эпичности. В ритмах поэзии Л. Лапцуя уловили «осяземо неспешное эпическое звучание... народных преданий и сказаний». Его поэма-сказка «Тер» (1983) воспринималась как «эпический рассказ о ненецком богатыре Тере» [2], «большое эпическое полотно, охватывающее период от ледникового нашествия до победного изгнания иноземцев с территории Сибири» [3]. Это объясняли тем, что «животворные истоки» творчества поэта – «могучий ямальский эпос и народная песня...» [4]. «История творчества Л. Лапцуя – лиро-эпический песенный дневник дорогих ему людей», – обобщал В. Рогачев, выделяя при этом поэму «Победившие смерть» (1973) [5].

Эпическое может проявляться в лирике и как особый тип эмоционально-смыслового звучания. Драматизм переживаний лирического героя в стихотворении Ю. Вэллы «Письмо» создает у читателя ощущение их эпичности: «...соединение героев реально невозможно, а значит, оно отделяется абсолютной дистанцией от настоящего и будущего. Экзистенциально заданное желание для обоих превращается в общее предание, без слов понятное и хранимое». «Развернутые эпические фрагменты» в лирике Ю. Вэллы рассматриваются как пример «типичной этнопоэтики» народов Севера Западной Сибири [6].

Эпическое начало выделяли в прозе И. Истомина и А. Неркаги. В 1980-е годы Л. Якимова, В. Чуванов, Л. Жариков отмечали в романах И. Истомина «Живун» (1970) и «Встань-трав» (1977) широкий охват событий на Ямале после Октябрьской революции. В тюменской критике проза этого писателя была названа «эпически реалистичной». Подобная номинация связывалась прежде всего с опорой автора «на северную мифопоэтику и символику, в центре которых – человек и природа, антропоморфизм, народная жизнь и труд». Между тем признавалось, что «элементы эпизации» в произведениях И. Ного, И. Истомина, Л. Лапцуя, А. Неркаги неотделимы от «народно-исторических традиций творчества Л. Н. Толстого, М. Горького, А. Н. Толстого, М. Шолохова, В. Распутина» [7].

В повестях А. Неркаги эпичность предстает как способ мироповедения героя и закрепляется за конкретным типом героя – «родовые ненцы», «люди старшего поколения», которые «живут сопричастно первым дням творения». «Их дела и мысли синкретичны, то есть в них слиты все времена и искусство, все песни и ремесла, все стороны человеческого бытия» [8]. Эпический герой является носителем ценностей многовековой культуры своего народа, то есть соотносится с прошлым временем. Однако не все повести А. Неркаги получают равнозначную оценку с подобной точки зрения. По мнению других критиков региона, в повести А. Неркаги «Белый ягель» (1996) эпическое прошлое «не превращено в особую эстетическую ценность, удаленную от настоящего». И это отличает произведение автора от книг писателей Г. Сазонова, А. Коньковой, Е. Айпина. Персонажи «Белого ягеля» не видят в прошлом «высшего закона и не “равняются” по нему». Сами они «не похожи на эпических героев. Нет среди них никого, чья жизнь могла бы войти в легенду». «“Настоящее” – это обыденная жизнь...», и «содержание ее – ежедневный труд, лишенный поэзии, всякого эпического величия» [9]. В повести «Молчащий» писательница также «далека от идеализации прошлого народа – и тогда были жестокость, коварство, несправедливость» [10, с. 75].

Как видно, эпичность в произведениях ненецких авторов фиксировалась критиками сюжетно-тематически (обращение авторов к историческому прошлому своего народа, к фольклорным образам), соотносилась с типом героя, с идейно-эмоциональной доминантой произведения, обнаруживалась в ритмической организации стихов.

Обращаясь к вопросам художественного своеобразия произведений писателей Тюменского Севера, региональные критики обратили внимание на жанрообразующую роль фольклора в них. В поэмах Л. Лапцуя А. Омельчук увидел безусловную близость народным балладам, былинам. Жанр поэмы Л. Лапцуя «Тер» определялся как «историческая поэма» и как «эпический рассказ о ненецком богатыре Тере». Это объяснялось присутствием в поэме «реального и сказочного пластов» [2]. О романе И. Истомина «Встань-Трава» (1983) писали, что «проза и поэзия» в нем «составляют... прочный сплав. Истомин включает в ткань произведения хантыйские и зырянские народно-поэтические легенды и сказы» [11]. Центральная критика, обращаясь к стихам Л. Лапцуя, подобную жанровую особенность оценивала как стремление автора «следовать примеру предков в процессе поэтического творчества», как «проявление инстинкта сохранения непреходящего по ценности духовного богатства своего народа» [12].

Сложной в жанровом определении оказалась книга Ю. Вэллы «Вести из стойбища (эссе, рассказы, стихи)». В публицистической миниатюре «О своих вестях» «историко-философская публицистика дает начало колыбельной песне бабушки, последняя – сказке, сказка – лирическому триптиху самого поэта, лирика – преданию, сказу, юмореске». Признание целостности произведения – «это не коллаж» — все же затрудняло определение конкретного жанра: «Это не эссе..., тем более не рассказ, не поэма, а нечто самобытное, идущее от ненецкого фольклора, своеобразный слепок народной души...» В этом виделось «этническое своеобразие художественного отражения действительности», стремление поэта быть «вестником» культурного наследия своего народа [13].

В региональной прессе о книге Ю. Вэллы «Вести из моего стойбища» (1991) писали: «...стихи перемежаются с прозой, легенды и сказания – с самой современной былью, газетная информация – с откровением сердца» [14]. «Удивительный сборник. Все вперемежку: стихи, проза и эпитафии к ним в виде разговорных отрывков, газетных цитат, ненецких пословиц» [15]. В необычности формы и композиции увидели отражение самой национальной жизни, где также все сопряжено: «...человек и природа, легенды и были, прошлое и настоящее, романтика и проза

жизни — и где все в непрестанном движении, переменах...» [14]. Подчеркивалось, что «...специфическое сочетание прозы и стиха» в творчестве поэта во многом обусловлено устно-поэтической «формой контакта» молодых ненцев со старшим поколением [16]. Совмещение двух родовых начал оценивалось как установка поэта «на безыскусность выражения и объективность взгляда на мир» [17]. В центральной критике явление жанрового синкретизма в творческой практике Ю. Вэллы объяснялось его идентификацией одновременно с русской и родной культурой [18].

Доминирующим жанром в северной литературе считают повесть, полагая, что она является «наиболее удобной жанровой моделью эстетического завершения мира и человека для «северного художника». «Она наиболее пластична и генетически связана с древними образцами повествования, где нет личностной выделенности человека из мира, характерной для Нового времени» [19]. Тем не менее, использование северными писателями традиционных жанров и типов конфликтов русской литературы воспринимается как «освоение чужой культурной традиции в подлинно национальном варианте» [20]. Остранение от русской культуры и одновременно сопричастность ей обнаруживает конфликтность художественного сознания писателей Ю. Шесталова, А. Коньковой, Е. Айпина,

Н. Цымбалистенко, не отрицающая «постмодернистский дискурс» в повести. Он – «не самоцель, а, видимо, единственно возможный способ выразить на бумаге сложный комплекс внутренних переживаний и страданий писательницы» [10, с. 171].

Отсюда наблюдаемое в «Молчащем» совмещение разных жанровых образований: «полемическая притча, имеющая временами черты страстного памфлета с пробивающимся субъективным голосом автора» [23]. Обращение А. Неркаги к форме притчи объясняется авторской задачей – это «проповедь читателю истинного способа мышления» [24].

В традиционное понимание реалистической повести не укладывается произведение А. Неркаги «Анико из рода Ного» (1974) «осмыслением в нем глобальных экзистенциальных проблем... жизни, смерти, свободы, долга» [10, с. 122]. Антропоморфизм всего живого в повестях А. Неркаги, «психологическое наполнение мифо-фольклорных образов», порождающее их «гибкость, смену, переливчатость аналогий и антитез», создает ощущение романности [25]. В произведении И. Истомина «Живун» выделяют такие «жанровые разновидности», как утопия и робинзонада, элементы автобиографического, исторического, этнографического, социально-бытового, психологического, авантюрного, любовного романа [26].

Критики приходят к выводу о том, что «северная» повесть второй половины XX века «демонстрирует сложный синтез эпических, лирических, драматических, метафорических, условных структур. Эти вновь возникающие модификации повести порождаются социальными, политическими, идеологическими феноменами, которых не было раньше» [10, с. 76].

Таким образом, внимание региональной критики к особенностям поэтики произведений И. Истомина, Л. Лапцуя, А. Неркаги, Ю. Вэллы определило проблему жанровой идентификации их творчества. Родовой и жанровый синкретизм в прозе и поэзии этих авторов критики объясняют тесной связью с национальной устно-поэтической традицией. Истоки подобного феномена связывают с особенностями освоения северными художниками современной литературной культуры, с направленностью проблематики их творчества.

---

1. Казаркин А. П. Литературно-критические оценки. Томск, 1987.

2. Омельчук А. Тугого времени струна // Поляр. звезда. 1983. № 3.

3. Сусой Е., Ного И. Мотивы фольклора в поэзии Л. Лапцуя // Космос Севера : сб. ст. / сост. О. К. Лагунова. Тюмень, 1996.

4. *Гладкая Л.* Негасимый свет таланта // Крас. Север. 1988. 20 авг.
5. *Рогачев В. А.* Спассенный оленем // Лапцуй Л. В. Песнь моя – моей земле : избранное. Тюмень, 2000.
6. *Лагунова О. К.* Культура прозы и стиха коренных малочисленных народов Севера Западной Сибири (Е. Айпин, Ю. Вэлла) // Вестн. Тюм. гос. ун-та. 1998. № 1.
7. *Рогачев В. А.* Самоидентификация северной литературы в эпоху глобальных искушений // Филологич. дискурс : Вестн. филол. факультета Тюм. гос. ун-та. Тюмень, 2004. Вып. 4.
8. *Рогачев В. А.* «...Гений чистой красоты...»: Критико-биограф. очерк творчества Анны Неркаги // Неркаги А. Молчащий : повести. Тюмень, 1996.
9. *Данилина Г. И.* Миф и литература в прозе писателей Тюменского Севера // Литература Тюменского края : кн. для учителя и ученика. Тюмень, 1997.
10. *Цымбалистенко Н. В.* Север есть Север... : Исторические судьбы коренных народов Ямала в историческом освещении. СПб., 2003.
11. *Полонский Л.* Нашлась Встань-трава // Тюмен. правда. 1985. 3 апр.
12. *Жулева А.* Ненецкий фольклор и поэзия Леонида Лапцуйа // Крас. Север. 1992. № 11.
13. *Мельников М. Н.* Вести из моего стойбища // Сиб. огни. 1988. № 10.
14. *Васильева О.* Из оленьего рода // Новости Югры. 1991. 5 сент.
15. *Глухих А.* Человек со стойбища // Там же.
16. *Лагунова О. К.* Культура прозы и стиха коренных малочисленных народов Севера Западной Сибири (Е. Айпин, Ю. Вэлла) // Вестн. Тюм. гос. ун-та. 1998. № 1.
17. *Комаров С. А., Лагунова О. К.* Айваседа (Вэлла) Юрий Кылевич // Югория : энцикл. Ханты-Манс. автоном. округа. Ханты-Мансийск, 2000.
18. *Огрызко В. В.* Белые крики // Новости Югры. 1998. 5 марта.
19. *Комаров С. А., Лагунова О. К.* О характеристике литературного мышления народов Севера : (Экологическая проблематика, жанровые ориентиры) // Космос Севера : сб. ст. / сост. О. К. Лагунова. Тюмень, 1996.
20. *Данилина Г. И., Рогачева Н. А., Эртнер Е. Н.* Тюменская литература и освоение природных богатств // Литература Тюменского края : кн. для учителя и ученика. Тюмень, 1997.
21. *Рогачев В. А.* «...Гений чистой красоты...» : Критико-биографич. очерк творчества Анны Неркаги // Неркаги А. Молчащий: повести.
22. *Турков А.* Жизнь и слово // Лит. Россия. 1997. 14 февр.
23. *Шапоренкова Г.* Видение апокалипсиса // Мир Севера. 2002. № 1.
24. *Цымбалистенко Н. В.* Традиции и новаторство // Обская радуга. 2001. № 4.
25. *Качмазова Н.* Метаморфозы Анны Неркаги // Мир Севера. 2002. № 1.
26. *Цымбалистенко Н., Попов Ю.* История северной утопии // Мир Севера. 2001. № 3.